

УДК 304.5

ФИЛОСОФСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ МАРКСИСТА Г.В. ПЛЕХАНОВА С В. ВАЛЕНТИНОВЫМ (В. ВОЛЬСКИМ)

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

д. филос. н., профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»
г. Екатеринбург

Аннотация: Выступление Г.В. Плеханова на Государственном совещании в последний день его работы в августе 1917 г. не получило никакого отклика. идеолог и философ партии выступает перед Временным правительством и буржуазией. Н. Валентинов в своих интересных воспоминаниях пишет об облике революционера, который позволил понять и воспроизвести его происхождение и во многом, на наш взгляд, предсказать его судьбу. Н. Валентинов обладал вкусом и страстью к философии, к политической теории и его воспоминания буквально в деталях воспроизводят суть диалогов и политических разногласий. Н. Валентинов до женевского Плеханова знал его брата полицейского исправника в Российской империи. При его встрече с Плехановым, которому он не поклонялся, как обычно «нашла коса на камень». Прошла встреча, во время которой из холодной аудитории возникла яркая вспышка идейного спора о буржуазной философии и своих расхождениях с марксизмом.

Ключевые слова: выступление, Государственное совещание, философ партии, облик революционера, философия, брат, холодная аудитория, идейный спор, буржуазная философия, марксизм, философские расхождения.

PHILOSOPHICAL DIFFERENCES BETWEEN THE MARXIST G.V. PLEKHANOV AND V. VALENTINOV (V. VOLSKY)

Nekrasov Stanislav Nikolaevich

Abstract. G.V. Plekhanov's speech at the State Conference on the last day of its work in August 1917 received no response. The ideologist and philosopher of the party speaks to the Provisional Government and the bourgeoisie. N. Valentinov, in his interesting memoirs, writes about the appearance of a revolutionary who made it possible to understand and reproduce his origin and, in our opinion, predict his fate in many ways. N. Valentinov had a taste and passion for philosophy and political theory, and his memoirs literally reproduce in detail the essence of dialogues and political differences. Valentinov, before Plekhanov in Geneva, knew his brother, a police officer in the Russian Empire. When he met Plekhanov, whom he did not worship, as usual, "A scythe flew on a stone" A meeting took place, during which a bright outburst of an ideological dispute about bourgeois philosophy and its differences with Marxism emerged from a cold audience.

Keywords: speech, State conference, philosopher of the party, the image of a revolutionary, philosophy, brother, cold audience, ideological dispute, bourgeois philosophy, Marxism, philosophical differences.

Известно, что выступление Г.В. Плеханова на Государственном совещании в последний день его работы в августе 1917 г. не получило никакого отклика. Между тем Совещание было создано Временным правительством в Большом театре, а марксист Г.В. Плеханов был приглашен специальной теле-

граммой А.Ф. Керенского, удивленного его отсутствием в первый же день работы Совецания. В целом, это выступление было странным феноменом: идеолог и философ партии выступает перед Временным правительством и буржуазией, обращается то к правым рядам зала, то к левым и всех призывает жить дружно. И это между Февральской революцией и Октябрьской революцией. Н. Валентинов называл Г.В. Плеханова не просто философом: «Плеханов был официальным философом партии, высшим блюстителем ее ортодоксальной теоретической чистоты. По статуту партии «Рассвет» был подчинен центральному органу партии — «Искре», а она с ноября 1903 г., после ухода из редакции Ленина, стала «меньшевистской» [1, с. 238].

Философ партии на пике двух революций публично обращается к врагам партии и класса. Как же так? Н. Валентинов в своих интересных воспоминаниях пишет об облике революционера, который позволил понять и воспроизвести его происхождение и во многом, на наш взгляд, предсказать его судьбу, а также судьбу его теоретических построений. У нас в стране публиковались работы Н. Валентинова (Н. Вольского), но не мемуарная проза. Известна его работа воспоминаний о НЭПе, когда он работал в СССР в ВСНХ во время НЭПа: «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания» [2]. В предисловии «НЭП глазами современника» С.С. Волк писал: «В Женеве он доброжелательно был встречен Лениным и Крупской, вошел в число их близких знакомых, не раз проводил с ними долгие часы в беседах. В 1905 г. Вольский, однако, порвал с Лениным, считая его тактику, и в частности одобрение экспроприации, неверной» [3, с. 4].

После Октябрьской революции отношения с В.И. Лениным складывались косвенно: «Указывая на повсеместное неумение вести дело, «быть настоящими организаторами и администраторами», жалуясь на царящее отсутствие культуры, Ленин искал повсюду нужных ему людей, в том числе среди прежних своих знакомых, особенно тех, кто когда-то принадлежал к большевистской партии, но потом от нее отошел.

Нужно думать, что по этой причине (Ленин знал меня с 1904 г.) он дважды, в 1919 и 1920 годах, осведомлялся, что я делаю, в каком учреждении служу, а если не служу, каковы тому причины. Оба раза, когда мне передавали вопросы Ленина, я отвечал, что, будучи больным, не могу брать на себя даже небольшую работу. Хотя я действительно в то время болел, все-таки не в этом была основная причина моего нежелания служить, работать по-настоящему, а не заниматься мимикрией, каким-то подбием работы, к которым прибегали мы все, чтобы иметь право на продовольственную карточку и не числиться паразитами и буржуями.

В период, названный потом «эпохой военного коммунизма» (1918—1920 годы), я чувствовал, что никак не могу ужиться с устанавливаемым тогда строем. И главной причиной бегства, уклонения от службы, был все-таки не террор, а самое существо этого строя. Я считал его нежизненным, искусственным, придуманным, неспособным длительно существовать, противоречащим всему тому, что я считал элементарными законами социологии, экономики, психологии» [2, с. 28-29]. Не упоминая о том, что автор бросился в работу в период НЭП в голову, обратим внимание, что тут нет ни слова о встрече с теоретиком партии - Г.В. Плехановым и не единственной. А ведь теория и позволяла принимать или нет тот или иной строй, идти в революцию или отсидеться в тени.

Отношение к Г.В. Плеханову у него сложились надолго и сохранились на всю жизнь. Следующий фрагмент позволит многое понять в этих оценках, сделанный по вопросу о роли личности в истории и о том, что не будь Робеспьера или иного деятеля история бы двигалась своим путем: «В формулах Плеханова был какой-то экивок, что-то ложное, против чего прежде всего протестовал темперамент. Доводя аргументы Плеханова до нашего времени нужно сказать, что если какие-нибудь «механические и физиологические» причины убили бы Ленина в 1903 г., Сталина в 1916 г., Гитлера в 1918 г. дальнейший ход событий был бы и без них совершенно таким же, двигался бы в том же направлении, как и при этих личностях. Согласиться с таким взглядом невозможно. Было кое-что и другое, что не притягивало к Плеханову. Он был талантливым человеком, но большой ум его был холодным, смотрящим на мир чрез черствые рационалистические схемы. Свойственного нам молодым социалистам энтузиазма, восторженности, преклонения пред идеей, образом, даже словом — социализм, Плеханов, в том можно быть уверенным, совсем не испытывал. Социализм был для нас чем-то очень хорошим, теплым, свет-

лым, красивым и за эти качества желаемым. Социализм — освобождение, возрождение человечества под ласкающими лучами солнца гуманизма. Мы непрестанно ездили верхом на «экономическом факторе», но «экономика» была как бы некрасовской скатертью-самобранкой, ладьей, чудесно выносящей через капитализм, через мрачное море неравенства, бедствий, эксплуатации на лазурный берег будущего строя» [1, с. 243].

Далее отношение к первому марксисту особого типа «с человеческим лицом» складывалось заранее: «Что бы ни происходило в капиталистическом обществе, оно неизбежно, с железной необходимостью, будет замещено социалистическим строем. Это своего рода фаталистический механизм и мне казалось, что у Плеханова его было неизмеримо больше, чем у Маркса и на много больше, чем у Ф. Энгельса. По Плеханову, вне зависимости от того, что делает или не делает личность, социализм неотвратимый финал экономического развития современного общества. Присущие ему жестокие противоречия и классовая борьба неизбежно должны окончиться диктатурой пролетариата и социализацией средств и орудий производства. А дальше что? Это Плеханова не интересовало. «В социалистическом строе, — заявил он однажды Крупской (в 1901 г.), — будет смертельная скука: в нем не будет борьбы». Бедная Крупская от слов Плеханова чуть было не упала в обморок... Таковы доводы, чувства, предубеждения издавна, с первых годов знакомства с марксизмом, не делавшие меня поклонником Плеханова. Однако, познакомиться с ним, повторяю, я очень хотел и в назначенный им день и час, точно, без минуты промедления, явился к нему... Проходит тридцать минут и я решаю: буду медленно считать до 30, а после этого открою дверь и уйду. Как раз в этот момент и появился Плеханов» [1, с. 244-245].

Между тем, сам Н. Валентинов обладал вкусом и страстью к философии, к политической теории и его воспоминания буквально в деталях воспроизводят суть диалогов и политических разногласий. При его встрече с Плехановым, которому он не поклонялся, как обычно «нашла коса на камень». Особенности памяти Н. Валентинова таковы, что они подобно писательской памяти М. Горького, и помнят детали диалогов и человеческого поведения, но не природы и не обстановки. Автор сам признает, что он не помнит улиц и парков, по которым они гуляли за рубежом, скамеек и домашней утвари, но словесные баталии воспроизводит дословно. Чтобы доказать это посмотри на словесный портрет Г.В. Плеханова. Прежде до изобретения фотографии полицейские составляли словесные портреты и мастеров на них было очень мало.

Н. Валентинов пишет о первой встрече с Плехановым, которая состоялась как его статьи долгое время были в работе в редакции, и Плеханов попросил Бонч-Бруевича отправить к нему автору в установленное им время и место: «Бросился в глаза особый, «натянутый» облик Плеханова. Он учился в военном училище, потом в юнкерском училище, и по словам Л. Г. Дейча, его старого товарища, стремился всегда сохранить военную выправку. Его не славянское, а скорее восточного типа лицо — грузина, осетина, узбека (в самой фамилии Пле-хан нечто татарское) ошеломило меня сходством с человеком, которого я хорошо знал. С кем? Георгий Валентинович Плеханов был удивительно похож на своего брата — Григория Валентиновича Плеханова — полицейского исправника. Вот судьба! Один брат — революционер и выдающийся член Социалистического Интернационала, другой — полицейский чин, обязанный охранять царское самодержавие от посягательств революции, руководимой его братом. Отец Плеханова, о чем я узнал позднее, был женат два раза, второй раз на Белинской, отдаленной родственнице знаменитого Виссариона Григорьевича Белинского. Георгий и Григорий Валентиновичи родились от второго брака. Кто из них был старше — не знаю. Сходство их внешнего облика, повторяю, было поразительным. Главное отличие, пожалуй, в том, что Григорий Валентинович был ростом выше и всегда носил пенснэ. Плеханова-исправника я знал очень хорошо. Свой пост он занимал в городе Моршанске, Тамбовской губернии, где жили мои родные, где я вырос и учился в реальном училище. В той же губернии, недалеко от города Липецка, в деревне Гудаловке, в помещичьей семье, родился 25 ноября 1851 г. и Георгий Валентинович Плеханов — «отец русского марксизма», с произведением которого в начале 1889 г., как он сам мне сказал, впервые познакомился 19-летний Ленин-Ульянов» [1, с. 245].

Однако в жизни Н. Валентинов первоначально познакомился с братом русского марксиста, который служил в полиции. Про брата он пишет: «Исправника Плеханова ни в коем случае нельзя было

занести в галерею полицейских держиморд, описанных Щедриным. Правда, вид у него был важный и суровый, он горделиво носил военный мундир (и почему-то шпоры!), но по натуре своей был очень мягок, как говорится, не мог и мухи убить. Мой отец — в то время уездный предводитель дворянства, — всех и вся ругавший и презиравший, находил, что Плеханов относится к своим полицейским обязанностям с недопустимой халатностью. «Я даже допускаю, сказал он однажды, что сей вояка, брэнчающий шпорами, находится в нежной переписке со своим братцем, который в Женеве крутит революцию». Так я узнал, что у нашего милейшего исправника есть опасный брат» [1, с. 246].

Н. Валентинов сообщает о встрече с братом-исправником и разговоре весной 1895 г. в городском саду на скамейке возле памятника императрице Екатерине Великой, где он невинно спросил: «Григорий Валентинович, а ведь если придет революция, памятник царицы наверное повалят. Во время французской революции выбросили вон даже гробы королей». Далее разговор принял такой характер: «Плеханов покосился на меня с видом полного удивления. — Что за охота пустяки говорить! Если придет революция? Да, она никогда не придет. В России не может быть революции. Она не Франция. Плеханов говорил то самое, что вечно твердил мой отец, что в «Новом Времени», самом влиятельном органе 90-х годов весьма образно вещал его издатель — Суворин: «Я скорее поверю в появление на Каменноостровском проспекте Петербурга огнедышащего вулкана, чем в возможность революции в России».

Если бы Суворин дожил до 1917 г., он смог бы увидеть ««вулкан» революции и Ленина, произносящего «огнедышащие» речи с балкона дворца балерины Кшесинской именно на Каменноостровском проспекте. Не знаю, какой чорт меня толкал, но после реплики Плеханова, я спросил его: — А ваш брат по-прежнему живет в Женеве? Не ожидал, что сей вопрос может произвести такой эффект. По лицу Плеханова пробежали смущение, даже страх» [1, с. 247].

Далее мизансцена получила несколько театральное развитие: «Он поднялся со скамейки, выпрямился и совершенно так же, как во время публичных речей это делал Плеханов — женеvский, деланно, неестественно, топнул ногой: — У меня нет брата! Быстро отошел от меня и больше разговоров со мною уже никогда не вел» [1, с. 247].

Затем автор воспоминаний описывает свое появление у женеvского брата: «И вот девять лет спустя после описанной сцены с Плехановым-Моршанским, я стоял пред его братом — Плехановым-Женеvским» [1, с. 248]. Предполагалось, что эта встреча будет краткой и мимолетной в неким Ниловым (Валентинов писал в газеты под этим псевдонимом, хотя Ленин дал ему псевдоним Самсонов): «Потому ли, что он был болен, в скверном настроении, чем-нибудь раздражен или просто потерял желание говорить о философии и пропаганде среди сектантов с каким-то Ниловым, посланным большевиком Бончем, Плеханов принял меня более чем холодно. Он не извинился, что заставил так долго ждать его «выхода», а, подойдя ко мне, передал мою рукопись и сказал: — Вы правильно анализируете схоластику сектантов и правильно отвечаете на их мнимо-философские и всякие другие вопросы. Тут, как и во всем другом, только материализм и марксова диалектика дают в руки действительное оружие» [1, с. 248].

На этом предполагалось завершить встречу: «Аудиенция» на этом была окончена. Приглашения сесть и побеседовать я не получил. А так как мое самолюбие было задето и долгим ожиданием, и ледяным приемом, я почувствовал острое желание пред уходом сказать в отместку Плеханову что-нибудь неприятное, такое, что должно было ему казаться вызывающей дерзостью. Холодным тоном, выражая ему благодарность за признание «правильности» моего анализа, я сказал, что «почитаю своим долгом» заметить, что в этом анализе философский материализм никакой роли не играл. «От этого материализма я окончательно ушел уже несколько лет и теперь убежден, что для экономической доктрины Маркса и его социологии, так называемого, материалистического понимания истории, отнюдь не обязанного быть связанным с философским материализмом, гораздо лучшую гносеологическую основу дает эмпириокритическая философия Авенариуса и Маха» [1, с. 248].

Начался второй период этой знаменательной встречи: «Как и нужно было ожидать, такой наглости Г. В. Плеханов перенести не мог. Не он ли доказывал, что социология Маркса предполагает и органически связана с философским материализмом в его Плеханова понимании? Когда Плеханов услышал мое «наглае» отрицание этой истины, его брови, усы угрожающе поднялись чуть ли не до половины лба. — Авенариус? Мах? — Извлекая из подвалов буржуазной мысли этих птиц, вы хотите с помо-

щью их «исправить» марксизм? — грозно спросил он. — Почему же непременно из подвалов и почему буржуазных? — Ну, знаете ли это легко понять даже при самом небольшом напряжении мысли. Видите ли, знающие люди считают, что на вершине философской мысли стоят такие умы, как Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг, Фейербах, французские материалисты, среди них ваших птиц нет. Значит, раз они существуют, то, нужно полагать, обретаются в какой-то более низкой, вероятно, очень низкой атмосфере. Я и назвал ее подвальной. А что же касается их буржуазности, ничто не должно вам мешать догадаться, что я знаю всех философов по духу, по направлению мысли, связанных с революционным учением Маркса и Энгельса. Смею вас уверить, что среди них ваших птиц нет. Они существуют вне всякого касательства к марксизму. А вне — это значит в атмосфере буржуазной идеологии» [1, с. 248-249].

Блестящий общий выпад Г.В. Плеханова был парирован аргументом к незнанию. Все-таки Н. Валентинов был блестящим полемистом с юности, и он возразил, после чего партия перешла в эндшпиль: «Из ваших слов я могу заключить, что с философией ни Авенариуса, ни Маха вы не успели еще ознакомиться? — Не успел и всё как будто говорит, что я не смогу вам обещать знакомства с вашими птицами. Я занят по горло партийной и литературной работой. Я не имею времени, ни права заниматься пустяками, браться за чтение того, что иным людям по молодости, по недостатку опыта и знаний может казаться каким-то новым откровением, а в действительности является перепевом хорошо мне знакомых заблуждений. Тон Плеханова (я со стенографической точностью передаю его слова, в свое время они были мною записаны) становился всё более и более дерзким.

Итак, вы не читали ни Авенариуса, ни Маха. Вы просто их не знаете. Вы сами это признаете, что не мешает вам их критиковать и налепливать на них этикетку: «буржуазные подвалы». По этому поводу мне вспоминаются слова Гейне: «Писателя Ауффенберга я не знаю, полагаю, что он вроде Арленкура, которого я тоже не знаю». Плеханов очень внимательно посмотрел на меня, скрестил руки и, отчеканивая каждое слово, сказал: — Отвечу вам кратко. Вашего Ауффенберга я потому испытываю весьма малое желание знать, что очень хорошо знаю его духовных предков, его мамашу, которая, сражаясь с материализмом, философски обслуживает классовые интересы буржуазии. Какие у этой ведьмы и ее потомков глаза — красные, желтые или белые, меня абсолютно не интересует. С меня достаточно знать, что это порода ведьм. На этом и окончим наш разговор. Жаль, что у меня не было времени более внимательно ознакомиться с вашей рукописью. Стоило бы проследить, не сказалось ли где-нибудь в ней буржуазное влияние вашего философа, как бишь его — Ауффенберга» [1, с. 250].

Последствия этой встречи не заставили себя ждать: «Мне оставалось раскланяться и выкатиться кубарем из квартиры Плеханова. Я отправился к Бонч-Бруевичу, который сердито накинулся на меня, когда я рассказал ему происшедшее. — Чорт вас дергал за язык! К чему это было злить Плеханова, подсовывая ему каких-то философов! Теперь, поверьте мне, он возьмет вас на мушку, он непременно найдет в ваших статьях какие-нибудь вредные ереси. Я уверен, что на этой почве у нас могут быть неприятности» [1, с. 250-251].

Мы еще увидим последствия этого обмена мнения и в первую очередь при встрече В. Валентинова с В.И. Лениным.

Список источников

1. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Chalidze publications 1981. – 356 с.
2. Валентинов Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП : Воспоминания. - М.: Современник, 1991. – 365 с.
3. Волк С.С. НЭП глазами современника Валентинов Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП : Воспоминания. - М.: Современник, 1991. с. 3-21.